

Советская Россия
г. Москва

16 ноября 1962 г., № 269 (1949)

ТЕАТР Э К З А М Е Н НА ЗРЕЛОСТЬ

Был на исходе ненастный, заплаканный апрель. Над Костромой синели сумерки. С недалекой Волги тянул зябкий, но уже по-весеннему сырой, радостно будоражащий ветерок.

У ярко освещенного театрально-го подъезда густо толпился народ. Оживленные девушки — доярки, свиноводы, телятницы, полеводы. Не по возрасту солидные механизаторы. Вечно озабоченные председатели колхозов, бригадиры, агрономы, зоотехники. Сусанинские и пыщурские, вохомские и галичские, чухломские и кадейские — со всех концов Костромщины.

Сегодня в театре шел спектакль «Финал» — о вешних, грозных годах гражданской войны, о том, кто положил свою жизнь за счастье будущих поколений. Спектакль о Ленине.

А затем битком набитый человеческий зал враз восторженно взрывался рукоплесканиями, на миг замирал и, стиснув зубы, глотал слезы...

Подумалось: вот театр и нашел своего зрителя, и зритель понял и оценил свой театр.

...Снова тот же спектакль, но уже в канун сорок пятой годовщины Октября на столичной, кремлевской сцене. Это не скороспелое «декадное» изделие недавних лет: он уже прошел нелегкий экзамен у костромичей, зрителей неискушенных, но и взыскательных. А нынче его принял и крепко полюбил столичный зритель. Это экзамен на зрелость и спектакля, и театра.

Кто-то сказал, что театр — всегда открытие, иначе это не театр. Костромской театр имени А. Н. Островского открыл и без назойливых прописей, без досужих подказок прочел доселе не известную драматической сцене страницу революционного прошлого Советской России. Пьеса П. Строгова рассказывает о легендарном походе через «гнилое» море, штурме Перекোпа, об изгнании врагелевских полчищ. И прежде всего о Ленине.

Его роль исполняет народный артист РСФСР С. Астафьев. Когда-то В. Мейерхольд высказывал опасение: мол-де будущие подражатели первооткрывателя образа — Б. Щукина могут впасть в слащавость. Другие предостерегали от излишней философичности, патетики, иллюстративности. Этих опасностей избежал Астафьев. Впрочем, они ему и не грозили. Артист шел к созданию образа непроторенным, своим, очень самобытным путем. Он шел от познания человеческого к воплощению Человека.

Ленин в исполнении Астафьева по-человечески мудр в решении вопросов государственных, по-человечески пронизателен и дальновиден в ведении сложнейших и ответственных военных операций, по-человечески добросердечен к боевым соратникам и убийственно ироничен, беспощадно гневен к врагам революции. Непрестанная глубокая дума, сердечная боль за беззубых новобранцев, гибнущих на

фронтах, безвременно поседевших матерей, голодающих детей...

Это не рационально найденные и тонко рассчитанные всплески мысли и темперамента, это естественная, жизненно необходимая потребность, постоянная забота того, кто принял на себя нечеловечески тяжкую ношу ответственности за судьбы Родины и народа.

Жизнь для революции — вот что главное в образе, созданном С. Астафьевым. Исполнение роли Ленина — замечательное творческое достижение артиста. Образ вождя революции стал главной движущей силой в спектакле, его духовным организующим центром.

Образ М. В. Фрунзе не имеет сценической традиции. Тем более сложной и ответственной была задача заслуженного артиста РСФСР К. Гулина. Фрунзе в спектакле — волевой, собранный, с открытой русской душой человек, бесстрашный пролетарский полководец, привлекающий сердца бойцов, зовущий их за собой на героический подвиг.

В спектакле немало и других актерских удач. Военспец, начальник штаба Стрижевский скуп, с графической точностью выписан В. Касьяновым. Сложный, противоречивый характер командарма Дарьялова убедительно раскрыт С. Русинюком. Внешне суров, но честен и прямодушен член Реввоенсовета Савин (заслуженный артист РСФСР В. Макасеев). Все они, равно как и исполнители многих других ролей, создают стройный, слаженный сценический ансамбль. Следует отметить представителя вражеского лагеря, «черного барона» Врангеля в исполнении заслуженного артиста РСФСР В. Ярчевского. Это враг сильный и грозный, за эффектной, несколько театральной внешностью тающий коварство и злобу на молодую Советскую Республику.

Не все равноценно в исполнительском коллективе. И отдельные актерские неудачи, как нам кажется, в значительной степени зависят от просчетов в драматургии произведения. Растянут первый акт. Спектакль имеет два финала, и думается, что завершать его должна картина форсирования Сиваша.

Высокой похвалы заслуживает работа режиссера-постановщика Б. Сапегина. Великолепно — живо, динамично решены массовые картины, большим художественным тактом отмечены ленинские сцены. Успеху спектакля способствует декорационное оформление заслуженного художника РСФСР М. Пирогова, выдержанное в суровых, тревожных тонах.

Этот яркий, интересный спектакль лишь слегка приоткрыл творческую жизнь театра имени А. Н. Островского, а она хоть и нелегка, но богата и многообразна. В «Финале» обратили на себя внимание молодые, одаренные актеры — исполнители эпизодов. Как оказалось, это студийцы. При театре уже два года работает студия на общественных началах, которая го-

товит профессиональных актеров и руководителей народных театров. Студийцы сами делают эскизы декораций и костюмов, сами изготавливают художественное оформление. Созданный ими спектакль «Ситцевый бал»

Т. Ян прошел в Костроме с большим успехом.

Тесная творческая связь Костромского театра с сельским зрителем стала уже традицией. В этом году только в период весеннего сезона две группы артистов посетили девятнадцать районов области, причем таких отдаленных, как Павинский, Боговаровский, Вохомский. Было дано около пятидесяти спектаклей.

Директор театра Н. К. Второв поделился планами дальнейшего привлечения зрителей. С весны следующего года будут даваться параллельные спектакли в передвижном театре типа Шапито на пятьсот мест. Готовится к открытию постоянный филиал театра в Нерехте. Каждый спектакль будет идти на двух площадках.

Давно известна истина, что спектакль растет и совершенствуется «на зрителе». «Финал» просмотрело уже более тридцати пяти тысяч человек, — для периферийного театра это не так уж мало. Костромичи отмечают, что спектакль не только не потерял своей свежести, но и обрел новые художественные краски.

Вот почему, когда на кремлевской сцене шел этот спектакль, исполненный светлой революционной романтики, вспомнились те, кто напустил его на жизнь, несомненно, долгую и счастливую.

С. ОРЕШНИКОВ.

32